

Наталья Журавлева:

В "ТАБАКЕРКЕ" Я ПОПАЛА В ОБЪЯТЯ ЛЮБВИ

Наталья Дмитриевна — актриса Театра под руководством Табакова, проще — "Табакерки". Это для тех, кто не знает про нее больше ничего. А ведь она, можно сказать, человек-эпоха. Дочь знаменитейшего чтеца Дмитрия Журавлева, с детства естественным образом попала в среду, которую составляли сплошь небожители — Рихтер и Пастернак, Цветаева и Ахматова...

— Наталья Дмитриевна, помнится, вы всегда были актрисой Ленкома...

— Тридцать семь лет. Попала туда сразу после окончания школы-студии МХАТ, и там были три замечательных года с Эфросом. Он меня научил профессии. При Марке Анатольевиче я немножко поиграла — в основном, если сказать понынешнему, мелочевку, — а потом все нет и нет... Ну, я не отчаялась и начала читать. Папа же всегда хотел, чтобы я стала чтицей.

— А как попали в молодежную "Табакерку"?

— В одно совершенно прекрасное утро раздался звонок: "Наталья, здравствуй. Это Табаков. Ты очень занята у Захарова?" — "Нет, Олеженька, я совсем не занята". — "Знаешь, мне нужно, чтобы ты нам помогла: сыграла няньку в "Последних" Горького". Честно вам скажу: у меня — а-а-а-а! — все внутри перевернулось. Я уже отвыкла играть! Это две абсолютно разные профессии — чтение и актерство. У меня даже температура поднялась. С утра звоню Табакову: "У меня 38!" — "Лечись!" — говорит... А потом, собственно, и нача-

лось все то, что я называю чудом "Табакерки". Я пришла... и просто попала в объятия любви! В Ленкоме-то я знала, что мое место — в передней. Это сейчас Марк Анатольевич изменился, стал мягче, а тогда было полное уничтожение и человеческого достоинства, и актерского. А в "Табакерке" встретили так, ну будто появилась сама Элеонора Дузе. Я подобного за 37 лет на подмостках не видела.

Когда спектакль "Последние" выдвинули на Госпремию, то пришел смотреть и Марк Анатольевич. Похвалил: "Как вы замечательно играете..." Знаете, не было во мне никакого злорадного чувства, а наоборот, было грустное. Ленком же все-таки дом, там столько друзей, столько прожито!

— Табаков в театре действительно всем отец родной?

— Импульс идет в первую очередь от него. При этом — как интеллигентен! Если тыходишь, а он сидит — то моментально встает. Так же ведут себя в "Табакерке" даже ребята-монтировщики. Что ж потом удивляться, что в такое жуткое время у нас спектакль выходит за спектаклем. Когда я вижу Табакова —

целую его в плечико, как барина. Начинаю благодарить. Он смущается.

— Вы столько великих актеров перевидали... Кто-то стал потрясением?

— Студенткой первого курса я видела Пола Скофилда в бруксовском спектакле. Шла потом домой и плакала, не могла остановиться и жила-жила-жила в этом.

— С вашего курса много звезд вышло?

— Вот именно, что это был совершенно звездный курс. Я смеюсь, что я позор курса, потому что они все давно народные-разнародные. Алла Покровская, Татьяна Лаврова, Лена Миллиоти, Славик Невинный, Толя Ромашин, Женя и Саша Лазаревы, Альберт Филозов, Геннадий Фролов. Уже 40 лет, как закончили, и до сих пор дружны, встречаемся. И, когда вместе, скидываем столько лет, сколько мы не виделись. Опять вспыхивает та же любовь.

— Наталья Дмитриевна, расскажите об отце, о том, как вас воспитывали.

— В любви воспитывали. Лишь раза два папа на меня крикнул, и то за мою дурость. Моя работа в теат-

ре началась с его слов: "Тата, если ты посмеешь хоть раз повысить голос на кого-то из обслуживающего персонала, ты мне не дочь". Все! На всю жизнь!

Папа мой всегда подавал палец всем, даже мужчинам. И я помню, как рывкнула на Алика Филозова, чтобы помог одеться Анатолию Петровичу Кторову; Алик кинулся, и Кторов был приятно удивлен.

Ужасно бывает, когда подходит женщина, а мужчины сидят и не встают! У меня был шок: Янковский сидел, положив ноги на низенький столик. А перед ним стояла Татьяна Ивановна Пельтцер! Я не выдержала: "Олег, вы с ума сошли?" — "А что?" — "Ну хоть ноги со стола снимите!" Ноги снял, но посмотрел так изумленно...

— Кто, кроме родителей, еще повлиял на вас?

— Назвать вам просто, кто приходил в наш дом? Мне повезло, конечно, фантастически. Рихтер и Нина Львовна — это очень близкие друзья. Бывал Гейченко. Он любил папу, его любил папа, письма дивные сохранились. И Анна Андреевна приходила, и Борис Леонидович. Юрий Александрович Завадский... Квартирка была крошечная, двухкомнатная, на улице Вахтангова, 12, на первом этаже. В махонькой комнатке спали я, моя сестра Маша и мама. Папа, народный артист Журавлев, доставать и выбивать никогда ничего не умел. Миша Ульянов пришел раз в эту квартиру: "Видал я лопухов, но чтоб таких!"

— А как вы познакомились, например, с Рихтером?

— Мама моя, певица, рано оставила сцену — из-за папы, из-за детей. А училась она в консерватории у матери Нины Львовны — Ксении Николаевны Дорлиак. Я помню — хорошо вижу эту картину, — как на дачу в Загорянке, году в сорок шестом, Нина Львовна, тоненькая, прелестная, привела к нам знакомить длинного золотого-рыжего мальчика с немислимо синими глазами, который ужасно стеснялся. Это был Рихтер. Я помню, как стояла на крыльце и смотрела на него. А он запомнил совсем другое — как я выплезла в дыру из-под забора и сразу начала страшно кокетничать. Он обычно так рассказывал. И с тех пор — 51 год дружбы!

Где-то в 64-65-м он попросил меня помочь разобрать его архив. Выбрал меня, поскольку я всегда отличалась чрезмерной веселостью, а он очень любил веселых людей. И нам хорошо было везде. Неудобно говорить, что я дружила с Рихтером. Мне внушали: "Ты в него влюблена". Да не была я в него влюблена! Когда муж пытался ревновать, я улыбалась: "Сашечка, какой ты глупый. Это совсем другое". Рихтер был все одновременно: и ребенок, и отец, и любимый — все он. И Святослав Теофилович тоже ко мне нежно-нежно относился, очень доверял. Когда уже болел, вызывал меня, я ездила за границу к нему, и за день до смерти много часов рядом провела.

— А как Борис Леонидович появился в вашем доме?

— Благодаря папе. Папа был его бешеный поклонник, боготворил его. Каждое воскресенье родители ездили к Пастернакам в гости в Переделкино. А уж там собирались за круглым столом и Ливановы, и Рихтеры (их так в шутку называли), Генрих Густавович Нейгауза... Вообще родители у Нейгауза, на улице Чкалова, в первый раз увидели Рихтера, когда Борис Леонидович читал там свой перевод "Гамлета". Наташечка, это сейчас все по-другому, а тогда нельзя было даже имя произносить. Пастернак — нельзя! Цветаева — нельзя!..

— Марина Ивановна бывала в вашем доме? Анна Андреевна?

— Цветаева к нам приходила, но ее я не видела — это она меня видела маленькой в кроватке. А Анну Андреевну помню хорошо. Однажды все собрались у нас на кухне. Анна Андреевна, Виктор Ефимович Ардов. Папа читал — тогда только появился пастернаковский "Август". Ардов заливался слезами, Анна Андреевна напряженно слушала. И вдруг — в дверь стучат (у нас даже звонка не было). Нина Львовна и Рихтер! Незванные, просто пришли. И вдруг опять — "тук-тук": Наташа Антокольская, дочь поэта, с Борисом Слуцким. Анна Андреевна и говорит Слуцкому: "Почитайте нам стихи". Она всегда была безумно величавая. Даже папа ее боялся! Когда ее низкий голос вдруг замолкал, ты будто начинал тонуть. Потому что ты же смотришь не на кого-нибудь, а на Ахматову, и надо же что-нибудь сказать. Пастернак в такой ситуации всегда руку помощи подавал. А она — нет: тоните себе на здоровье... Может быть, это поза такая была... И я запомнила, как Слуцкий весь покраснел — так заволновался — и стал читать: "Шел фильм, и билетерши плакали..."

— Судя по вашему рассказу, вы Анну Андреевну недолюбливали?

— Да нет. Мне просто не нравилось, что все ее боялись. Первое мое впечатление от нее: Ленинград, мне лет одиннадцать, папа там на гастролях, живет в гостинице, а мы у друзей. Приходит Ахматова — и вдруг я не узнаю моего прекрасного папу, свободного, изумительно-го. Он зажался, стал какой-то старательный. Причем она папу любила, но держалась и с ним величаво. Я обиделась за папу, обозлилась на нее. Меня раздражало, что все перед ней умирают.

— Пастернак был совсем другой?

— Бориса Леонидовича я обожала. И до сих пор, знаете, смешно — я ревную его ко всем его возлюбленным. Ну как же он их любил! Я его видела в Переделкине, в консерватории, в Доме ученых.

Хотите расскажу замечательный случай? Мне было лет девять — десять. Раздается однажды телефонный звонок, а папа спит — днем он обычно немножко отдыхал. И вдруг я в трубке слышу: "Ал-о... Это кто?" — "Наташа." — "Ната-

ша, это Пастернак. Здравствуй, детка! Позови папу". — "Борис Леонидович, а он спит", — "Не буди, не буди! Послушай, девочка, я сейчас закончил большую статью о гуннах..." Двадцать минут он мне рассказывал, что он написал про гуннов. Я абсолютно ничего не понимала, но стояла и слушала. Было такое чувство, что со мной происходит что-то великое — таково было его излучение. "Ну, спасибо, детка, — говорит он, — я выговорился, целую тебя", — и вешает трубку. А я все стою как зачарованная.

Рукопись "Живаго" он же у нас читал! Была Елизавета Яковлевна Эфрон, папина режиссер и золовка Марины Ивановны, еще кто-то. Читал несколько раз. Мы, дети, в это время ставили какой-то спектакль, репетировали — дом-то актерский... Прихожу домой — а они уже заканчивают. Пошли Пастернака провожать, и я потащилась. Папа дает мне лапку зеленую и предупреждает: "Тата, держи! Это драгоценность..." В папке была рукопись "Живаго".

А на следующий день нам привезли большой том переводов. И на первой странице рукой Пастернака вписаны два сонета и еще прибавлено: "Дорогой Дмитрий Николаевич, горячий, пушкиноподобный! Вот Вам, только Вам библиографический подарок. Два сонета Шекспира. Один я перевел в таком-то году, а другой — вчера для "Гамлета" Александринского театра". Там же не было Фортинбраса в конце! И читался знаменитый шекспировский сонет: "Но успокойся. В дни, когда в острог на век я буду смертью взят под стражу, одна живая память этих строк еще переживет мою пропажу..." Вот какая драгоценность у меня есть!

— Вас с сестрой пускали во взрослую компанию? Или отправляли спать?

— Укладывали! Причем с боем. Стали постарше — нас уже допускали. И, конечно, начались проблемы: две девки в семье, то одна влюбится-рыдает, то другая.

— Как же родители реагировали?

— Мама очень напрягалась. А папа считал — лишь бы были счастливы. Машка у нас ужасно большим успехом пользовалась. А я все время влюблялась в кого не следует. Моя романтическая любовь, девочкой еще — Михаил Иванович Жаров... Нет, я все-таки всегда влюблялась в замечательных людей. Совершенно обожала Леню Пастернака — сына Бориса Леонидовича, но он был женат, дочка у него. А мне Бог послал изумительного мужа — Сашу Либединского. Это сын писателя Бориса Либединского; в нем я нашла и интеллигентность, и нежность — то, что всегда искала.

Встречалась
Наталья БОЙКО

В следующем номере "ВК", в годовщину смерти С. Т. Рихтера, Наталья Журавлева поделяется с нашими читателями своими воспоминаниями о величайшем пианисте современности.